

УДК 29+342

Х.Г. Магомедсалихов, Я.М. Ханмагомедов

**Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане
в 20–30-х гг. XX века¹**

Дагестанский научный центр РАН, Дагестанский государственный университет; haibula45@mail.ru

В статье прослеживаются способы и методы репрессий мусульманского духовенства органами Советской власти в 20–30-х гг. XX века. Репрессии рассматриваются сквозь призму социального конфликта.

Ключевые слова: *Советская власть, мусульманское духовенство, репрессии, социальный конфликт.*

This paper traces the ways and methods of repression of Muslim clerics by the Soviet authorities in the 20–30s XX century. Repression viewed through the prism of social conflict.

Keywords: *Soviet power, the Muslim clergy, repression, social conflict.*

После революции в отношении представителей мусульманского духовенства Советская власть проводила противоречивую политику. На словах и в декларациях она якобы проявляла лояльность к чувствам верующих, что видно, например, из обращения Совнаркома РСФСР к трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября 1917 г.: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными... Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции...» [6, с. 113]. Однако в полностью противоположном духе был выдержан декрет того же времени о свободе совести, церковных и религиозных обществах, в 12 пункте которого отмечалось, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [6, с. 373]. Такая установка вполне согласовывалась с большевистской идеологией. Социальные преобразования Советской власти изначально были основаны на принципе общественной собственности на средства производства. Но долгое время эти положения в Дагестане оставались не более чем декларациями.

В первые годы после революции органы Советской власти в Дагестане старались достаточно вежливо и тактично обходиться с религиозными деятелями. Гражданская война представляла собой острый социальный конфликт, и Советской власти не нужен был классовый враг в лице мусульманского духовенства. В ответ мусульманское духовенство выражало свое благосклонное отношение к Советской власти. После окончания Граждан-

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-18032 е.

ской войны в доброжелательном духе было выдержано воззвание съезда духовенства горских народов Дагестана к братьям-мусульманам всего мира в ноябре 1923 г.: «Злые враги населения Дагестана и других мусульманских местностей всеми силами старались вселить в ваши умы вражду против Советской власти, наговаривая всякие небылицы, всякие мерзости, пугая ваше доверчивое воображение страшными картинами жестокости Соввласти... Эти враги внедряли вражду в ваши умы, зло кляузничая на Советскую власть, будто она арестовывает кадиев, мулл и других священнослужителей... Вам говорили, что Советская власть закрывает мечети, не пускает джамааты совершать свои молитвы» [3].

Забегая вперед, отметим, что то, чего больше всего опасалось мусульманское духовенство, Советская власть в скором времени реализовала на практике. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в составлении вышеприведенного возвания непосредственное участие принимали органы Советской власти, а представители духовенства, в числе которых было 76 шейхов, кадиев и ученых-арабистов со всего горного Дагестана, были введены в заблуждение и подписали документ.

Последующие события со всей очевидностью показали, что шариатские законы в новую государственную систему не вписывались, что вполне понятно: коммунистическая идеология исключала существование Бога. Притеснения духовенства начались сразу по окончании гражданской войны в октябре 1921 г., когда Ревком ДАССР издал приказ «Об изъятии из ведения шариатских судов уголовных дел» [2, с. 35], что было естественным для светского государства. Следующим значительным шагом были постановления Дагобкома РКП от 23 октября и Дагревкома от 26 октября 1921 г., которые объявляли о том, что «духовенство всех религиозных культов лишается избирательных прав» [2, с. 36].

Эти решения вызвали резкую реакцию духовенства, которое пользовалось большим авторитетом у горцев и не желало его терять. Одной из форм противодействия духовенства мероприятиям Советской власти был саботаж выборов. В ответных действиях Дагобком РКП(б) 28 октября 1921 г. всем районным и окружным комитетам РКП(б) разослал циркуляр, в котором предписывал усилить борьбу с духовенством и другими враждебными элементами перед выборами.

Противоречивые взаимоотношения новой власти и духовенства можно также проследить на примере духовного авторитета шейха Али-Хаджи Акушинского, который вначале поддержал Советскую власть, агитировал народ за нее и помогал в борьбе против деникинцев в период Гражданской войны. В последующем шейх А. Акушинский попытался сохранить под своим влиянием с. Акуша с окрестными селами, с чем представители Советской власти не могли согласиться.

Противоречия между духовенством и Советской властью обострились, когда мусульманские школы начали заменяться светскими. Тогда шейх

А. Акушинский не выдержал и, выступая на сходе джамаата с. Акуша в 1926 г., сказал: «Нам мусульманам не нужны светские школы... Если допустить мусульманских детей в светские школы, то через три года они совершенно забудут про Бога и веру и станут как русские безбожники» [9, с. 50].

Наступление на духовенство продолжалось: в 1927 г. Советская власть начала конфискацию собственности мечетей в пользу государства. Закон об изъятии вакуффов был самым болезненным вопросом для шейха Али-Гаджи Акушинского, который «без проклятия Советской власти не мог говорить об этом».

В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК и СНК ДАССР «О национализации вакуфного имущества» от 23 января 1927 г., «все вакуфные имущества, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении различных установлений Дагестана (мечети, медресе и пр.) объявлялись национальным достоянием» [4]. В октябре 1927 г. А. Акушинский выступил в мечети, где в присутствии большого числа верующих заявил: «Советская власть начинает наступление на мусульманскую веру. Нам всем необходимо начать открытую борьбу с ней. Вакуфы и закаты необходимо скрывать и не сдавать в кресткомы, т. к. по шариату они принадлежали мечетям» [9, с. 50].

В сложившейся ситуации такое отношение шейха А. Акушинского к действиям Советской власти было вполне обоснованным и адекватным, тем более что последняя целенаправленно и планомерно наступала на духовенство, лишая избирательных прав представителей культа и тем самым подрывая их общественный статус. Лишение избирательных прав имело своей целью не только правовой ценз, но и психологический пресс и дискредитацию духовенства с соответствующими политическими последствиями, на почве чего происходила эскалация социальной напряженности.

Постановление об изъятии вакуфного имущества стало инструкцией, в результате применения которой в короткие сроки в 23 аулах Буйнакского района было изъято: 1941 руб. 25 коп. деньгами, 599 десятин пахотной земли, 335 десятин сенокосной земли, 3 870 пудов пшеницы, 73 пуда пшеничной муки, 2 675 пудов кукурузы, 47 пудов 30 фунтов ячменя, 2 169 голов крупного и мелкого рогатого скота, 20 аршин бязи, 1,5 десятин фруктовых садов, 2 дома, 1 мельница [13]. Всего по республике к сентябрю 1927 г. в фонд кресткомов было изъято 3 267 десятка пахотной земли, 143 дес. виноградных садов, 63 га огородов, 1099 дес. сенокосов, 10 452 пуда зерна, 196 голов КРС, 5 082 барана и т. д. [13]. Примечательно то, что для изъятия вакуфных земель и имущества мечетей создавались специальные комиссии из представителей аульской бедноты, которые проявляли в этом деле чрезмерное усердие. Вакуфное имущество, изъятое таким способом, переходило в собственность крестьянских комитетов, что нагнетало социальную напряженность и нередко приводило к трагическим

последствиям. Так, наглядный случай, во многом характеризующий психологическую атмосферу того времени, произошел в с. Муги, где фанатично настроенный Курбан Мутаев, находившийся под влиянием духовенства, «зверски вырезал семью бедняка из 5 человек» [13]. Подобные случаи были прямым следствием искусственного нагнетания «классового антагонизма» в обществе.

Экспроприация мечетского имущества привела к усилению борьбы между мусульманским духовенством и Советской властью, которая порой принимала бескомпромиссный характер и выражалась взаимными актами агрессии. Действия духовенства зачастую носили ответный характер на мероприятия Советской власти.

Итак, социальный конфликт после гражданской войны в Дагестане был обусловлен необоснованно жестким отношением органов Советской власти к мусульманскому духовенству и интерпретировался большевистской идеологией как классовый антагонизм.

С конца 20-х годов действия органов Советской власти приобретают еще более целенаправленный и наступательный характер. Наряду с мерами экономического характера в отношении духовенства применялись и политические меры, такие, как лишение избирательных прав, перевод религиозных школ в светские, передача судебных функций к Советским органам и т. д. В апреле 1927 г. выходит Постановление ЦИК и СНК Дагестанской АССР «Об упразднении шариатских судов», в котором в отношении нарушителей предусматривалась уголовная ответственность [5].

Кроме того, Председатель ДагЦИКа Н. Самурский на Вседагестанском съезде Советов в апреле 1927 г. резко высказался против духовенства: «Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произнести ни звука» [10, с. 55]. Эти и подобные заявления и действия представителей Советской власти, а также конфискация имущества вызывали ответную реакцию духовенства. Судя по докладу К. Мамедбекова, с апреля 1927 по февраль 1928 г. органами ОГПУ по республике было зарегистрировано около 150 массовых выступлений духовенства, направленных против изъятия вакуфов [14], что является наглядным свидетельством остроты социальных конфликтов в обществе.

Конфискация вакуфной собственности в 1928 г. привела к тому, что против Советской власти выступили известные шейхи: Али-Хаджи Акушинский, Гасан Кахибский, Магомед Балахинский, Ибрагим Кучринский и другие. К 1929 г. позиции Советов в республике были уже достаточно прочными, а Дагестанское отделение ОГПУ приобрело значительный опыт в борьбе с духовенством и в подавлении личности посредством нагнетания в обществе морально-психологического напряжения. Об этом свидетельствуют обзоры ДО ОГПУ, в которых сообщается о том, что в сентябре 1929

г. «в Андийском и Аварском округах усилился отказ духовников от сана». Многие представители духовенства поступали таким образом, чтобы избежать ареста и продемонстрировать лояльность Советской власти.

Примечательно письмо шейха А. Акушинского от 7 октября 1929 г. зам. председателю СНК ДАССР К.Г. Мамедбекову с просьбой помочь арестованному сыну Магомеду. В нем престарелый шейх А. Акушинский сообщает, что «ради революции потерял одного сына» и просит оставить его в покое, приняв во внимание его болезненное состояние, и не считать его врагом революции. «Ввиду старческого возраста я не могу подняться с постели. У одного сына переломана рука, и некому ухаживать за мной, потому я сильно нуждаюсь в Магомед. Если даже он провинился, прошу похлопотать за него. Очень прошу не оставлять мою просьбу без внимания» [1, с. 175]. Письмо шейха возымело свое действие; расстрел Магомеду был заменен на 10 лет каторжных работ. Кстати, второй сын шейха – Хасбула – тоже был сослан властями, и сыновья не смогли присутствовать на похоронах отца в 1931 г.

Если до конца 20-х гг. духовенство еще сохраняло свои позиции, открыто или скрыто действовало против Советов, то в начале 30-х гг. духовные деятели стали бояться новой власти. К тому же по всей стране к концу 20-х годов развернулась антирелигиозная кампания. Так, I съезд общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ), который состоялся в апреле 1925 г. в Москве, постановил создать единое всесоюзное антирелигиозное общество под названием «Союз безбожников». 11–15 июня 1929 г. в Москве прошел II съезд «Союза безбожников», который собрал 1200 делегатов. Естественно, эти мероприятия в центре нашли отклик на местах, в том числе и в Дагестане, где был создан Совет воинствующих безбожников. В докладной записке на имя секретаря ДК ВКП(б) А. Муравьева зам. председателя Дагсовета воинствующих безбожников И. Паташман в октябре 1929 г. отмечал, что их организация «ставит задачу довести организацию безбожников до 25 000 членов и общество друзей «Юных безбожников» в количестве 10 000 членов к 1 марту 1930 г.» [2, с. 77]. К тому же 1932–1937 гг. были объявлены годами антирелигиозной пятилетки.

Антирелигиозная борьба в конце 20-х годов не ограничивалась пропагандой, тогда же начались репрессии. Так, в октябре 1929 г. по «делу Али-Хаджи Акушинского» уголовному преследованию были подвергнуты 64 человека в Даргинском округе [2, с. 77]. Наибольшим авторитетом среди верующих после смерти шейха А. Акушинского пользовался шейх Гасан Кахибский, который, несмотря на все предостережения, также не избежал репрессий. Кроме того, в обществе искусственно нагнеталась социальная напряженность, чему способствовало увеличение числа «безбожников». В начале 30-х годов начали закрывать мечети и отдавать их под склады крепосткам или под клубы. Так, в докладной записке члена Дагобкома ВКП(б) Д. Ибрагимова в апреле 1930 г. относительно Лакского района сообща-

лось: «В селении Кунды одна из квартальных мечетей была уступлена под ликпункт. Ликпункт открыт не был, вместо ликпункта устроили клуб. Комсомольцы и пионеры устраивали танцы, репетиции к спектаклям. Отсюда пошла провокация: «Нам обещали открыть ликпункт, обучать грамоте и знанию взрослых, вместо этого мечеть... осквернили, изгадили и т. п.» [15]. В селении Уркарах Дахадаевского района в мечети был устроен батрачком [11, с. 33].

Напряженная психологическая обстановка вокруг служителей культа была создана по всей стране, о чем, например, может свидетельствовать письмо председателя Президиума ЦИК СССР М.И. Калинина Г.К. Орджоникидзе в 1930 г.: «На местах царит полный произвол... Служителей культа стараются обложить по всем линиям и в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные требования. И тогда у них конфискуется все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется...» [2, с. 92–93].

Во всем обществе была напряженная социальная атмосфера. В конце 20 – начале 30-х годов сложилась практика, когда коммунистам и комсомольцам по идеологическим соображениям было запрещено соблюдать религиозные обряды и ритуалы (выставлять руки во время чтения «дуа» (молитва), соблюдать пост в месяц Рамазан и т. д.). В угоду партийной идеологии запрещалось праздновать традиционные мусульманские праздники: Ураза-байрам, Курбан-байрам, Шахсей-Вахсей и др.

Чтобы соответствовать своему социальному статусу, партийные и советские руководители разных уровней демонстрировали свою полную индифферентность к традиционным религиозным обрядам.

В 20–30-х годах прошлого столетия преследованиям за отправление религиозных обрядов стали подвергать и коммунистов. Наглядный случай имел место в 1934 г., когда в с. Кумух умер кадий и ученый-арабист Рашкуев Магомед-Кади. Его сына, редактора районной газеты, вместе с другими коммунистами привлекли к ответственности за участие в похоронах. Официальный документ по этому поводу выдержан в духе того времени: «При похоронах настолько были соблюдены старые похоронные обряды, что присутствующие на похоронах крестьяне были возмущены тем, что коммунист, ответственный работник Рашкуев допустил давно оставленные даже беспартийными старые религиозные обряды. Совторготдел ДК ВКП(б) предлагает срочно проверить верность изложенных фактов и при условии подтверждения их к 10 мая сообщить, какие меры приняты в отношении коммунистов, организовавших и участвовавших в похоронах» [7, с. 128].

Вытравить из сознания дагестанских народов, а тем более горцев, исламскую религию, которую они исповедовали больше тысячи лет, за короткий срок было задачей сверхсложной. Однако эту проблему, так же, как и другие, вполне можно было решить репрессивными мерами. Примечательные данные приводятся в отчетном докладе ДО ОГПУ: «репрессировано

мусульманского духовенства (по далеко не точному учету) с начала 1930 г. по октябрь 1933 г. – 1212 чел., из них: шейхов – 9 чел., шейхствующих лиц – 5, общественных кадиев – 91 чел. (7,5 %), мулл – 405 чел. (33,4 %), мюридов – 702 чел. (57,9 %), из них 50 % старших мюридов» [2, с. 104].

Ометим, что в источниках и литературе нет точных данных о репрессированных представителях духовенства. Однако документы и материалы свидетельствуют о том, что массовые репрессии религиозных деятелей начались одновременно с реформами в экономике и гонениями на зажиточный класс.

Эффект от репрессий был очевидный: если в 1932 г. мечеть в с. Дзилебки посещали 425 человек, то в 1933 г. – 150 [2, с. 104]. То же самое наблюдалось по всей республике. Кроме того, по сведениям ОГПУ, к 1933 г. из 1469 мулл 941 (или 64,1 %) бросили службу из-за боязни репрессий [2, с. 105]. В Президиум Верховного Совета ДАССР постоянно поступали обращения «О ходатайстве граждан районов республики о закрытии мечетей».

В этот период было уничтожено богатое арабоязычное духовное наследие горцев в виде книг, арабских рукописей, писем и т. д., хранить которые было небезопасно. Примечателен следующий эпизод: в с. Зубутли Казбековского района в период репрессий мусульманского духовенства вся арабоязычная литература была собрана и спрятана в ущелье. В конце 50-х годов сохранившиеся остатки этой литературы были перевезены студентом ДГУ А. Абдурахмановым в Махачкалу и осели в частных коллекциях историков. Теперь они потеряны для исследователей [12]. Случаев подобного разбазаривания арабоязычной литературы и рукописей по горным районам республики было достаточно много.

Таким образом, Советская власть сделала все возможное, чтобы вытравить из сознания народов Дагестана мусульманскую религию. Эта работа велась целенаправленно и методично. Религиозная вера препятствовала насаждению большевистской идеологии и переориентации общественного сознания в другую веру – веру в социализм и коммунизм. Борьбу с религией в республике власти увязывали с классовой борьбой. Предполагалось, что, как и все остальные мероприятия, борьба с мусульманским духовенством должна была завершиться в сжатые сроки, и чем меньше оставалось времени, тем жестче были репрессивные меры в отношении религиозных деятелей.

Подведем итоги. Наиболее жестким репрессиям мусульманское духовенство подвергалось в начале 30-х годов. Боясь преследований, многие верующие перестали посещать мечети. Сами мечети закрывались, здания отдавались под склады крестьянским и бедняцким комитетам или же под клубные учреждения, где комсомольцы устраивали увеселительные мероприятия. Экспроприация собственности у мечетей с целью ее перераспределения привела к значительному социальному напряжению и конфликтам

в обществе. Представители духовенства, недовольные мероприятиями Советской власти, преследовали комсомольцев и коммунистов. Официальная идеология интерпретировала это как классовый антагонизм. Советская власть репрессивными методами целенаправленно вытравливала из общественного сознания традиционные для местных народов исламские идеологию и культуру, что привело к пагубным социальным последствиям.

Литература

1. Али-Хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. – Махачкала, 1998.
2. Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991): документы и материалы / сост. Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Амирханова М.М. – Махачкала, 2007.
3. Газета «Красный Дагестан». – 1923. – 16 декабря. – № 282.
4. Газета «Красный Дагестан». – 1927. – 10 февраля. – № 34.
5. Газета «Красный Дагестан». – 1927. – 28 апреля. – № 96.
6. Декреты Советской власти. Т. I (25 октября 1917г. – 16 марта 1918 г.). – М., 1957.
7. Запрос заместителя заведующего совторготделом Дагестанского обкома ВКП (б) Каменева секретарю Лакского райкома ВКП (б) Магдиеву о фактах участия коммунистов в похоронах общественного кадия Рашкуева Магомед-Кадия (25 апреля 1934 г.) // ЦГА РД, ф. 800-р, оп. 2, д. 63, л. 128.
8. Из обзора Даготдела ОГПУ о религиозном положении в Даргинском округе (сентябрь, 1929 г.) // ЦГА РД, ф. 800-р, оп. 2, д. 18, л. 78.
9. Из сводок Дагестанского отдела ОГПУ «О взаимоотношениях власти и мусульманского духовенства в Дагестане» // Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991) Документы и материалы / сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Амирханова М.М. – Махачкала, 2007.
10. Из сводок Дагестанского отдела ОГПУ «О состоянии религиозной обстановки в отдельных округах и районах республики» // Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991). – Махачкала, 2007.
11. Из спецсводки Даготдела ДГПУ о политическом положении в Дахадаевском районе ДАССР // ЦГА РД, ф. 800-р, оп. 2, д. 26, л. 33.
12. Полевой материал автора (ПМА). 2009 год.
13. Сведения об изъятии вакуфного имущества в Буйнакском районе Дагестанской АССР // Газета «Красный Дагестан». – 1927. – 14 апреля. – № 86.
14. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1260, л. 5.
15. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1358, л. 19.

Поступила в редакцию 9 июня 2012 г.